

Мининкова Л. В. Отношения сюзеренитета-вассалитета в домонгольской Руси: Историография. Источники. Право. Социокультурный феномен. – Ростов н/Д., 2005. – 257 с.

Непреходящая актуальность темы сюзеренитета-вассалитета домонгольской Руси для русской медиевистики очевидна: весной 2005 г. в очередной раз по инициативе журнала «Одиссей» проходила дискуссия о значимости понятия «феодализм» для восточноевропейского региона. Формационное представление о феодализме прочно ассоциируется с отношениями сюзеренитета-вассалитета. Упрощенный подход к выявлению этих отношений в древней Руси – поиск соответствий в западноевропейской традиции – кажется, уже исчерпал себя. Л. В. Мининкова учитывает эти параллели, сосредоточиваясь на историческом своеобразии («ментальности») собственно древнерусской традиции. С этой точки зрения рассматривается и историография вопроса, в частности значение проблемы «личностного начала» у К. Д. Кавелина и др.

Своеобразие это было очевидным уже для первых исследователей русского феодализма: отсутствие в источниках прямой связи между отношениями сюзеренитета-вассалитета и отношениями поземельной собственности, по знаменитой характеристике К. Маркса, «вассалитет без ленов, или лены, состоящие из даней». И С. М. Соловьев стремился «строго отличать характер правительственный от характера владельческого». Прделанный в первой главе книги историографический анализ достаточно полон и содержателен, лишен крайностей в оценках предшествующих этапов развития науки, в том числе советской; например, признается эвристическая ценность концепции Б. Д. Грекова, сформулировавшего идею перехода от первобытнообщинной формации к феодальной в древней Руси. Что касается источников, то представляет несомненный интерес стремление Л. В. Мининковой к привлечению самого разнообразного их круга. В частности, это относится к миниатюрам Радзивилловской летописи. Вместе с тем, как представляется, более глубокого обоснования требует использование в контексте исследуемой проблемы столь

сложного источника как былины. Так, для былин, функционировавших в крестьянской среде в XIX в., самодовлеющим оставался крестьянский или вольный казачий образ богатыря, противопоставленный княжеско-дружинным верхам.

Во второй главе – «Отношения сюзеренитета-вассалитета (к вопросу о сущности и содержании понятия)» – характеризуется само научное понятие, его происхождение и развитие в европейской историографии. Терминология, подчеркивает Л. В. Мининкова, восходит к западноевропейским юридическим реалиям, использование ее в отношении древнерусских источников требует применения сравнительно-исторического метода и выявления общих структурных принципов отношений сюзеренитета-вассалитета на Западе и Востоке, прежде всего, «вольности обеих связанных этими отношениями сторон и взаимной их верности, а также вознаграждения за службу в той или иной форме» (С. 153).

Справедливо отмечено, что в русских источниках нет полных соответствий понятиям «вассал», «сеньор» и т. п. Но автором названы прецеденты соответствия древнерусской титулатуры европейской, а также факты матримонимальных отношений, когда русское княжеское семейство приравнивалось в феодальной иерархии к западным королевским. Действительно, распространенной формой титулования русских князей в латинских источниках была *rex* – «король» (С. 80), нельзя не заметить, что это «переводимо» и в русской традиции, судя по кириллической подписи Анны Ярославны – «Анна регина». «Брак Ярополка Изяславича с Кунигундой представлял собой, – как отмечает Л. В. Мининкова, – равный во всех отношениях брак удельного русского князя с дочерью королевского вассала, маркграфа Тюрингии» (С. 81). Летописные «мужи» первых киевских князей, не оставляющие их и после поражений, возможно, выполняли свой вассальский долг.

Естественно, отношения сюзеренитета-вассалитета на Руси могут быть лишь предметом реконструкции, и всякая реконструкция проблемна, тем более, когда она основывается на других реконструкциях. Самой спорной в этих построениях является в работе фигура воеводы Свенельда: предположение о его зловещем участии в конфликте Игоря с древлянами со времен А. А. Шахматова основывается на представлении о том, что текст Новгородской первой летописи, где Свенельд получает дань с древлян, отражает историческую реальность (С. 87). Но сейчас соотношение текстов Повести временных лет и Новгородской первой представляется не столь однозначным: ни один текст не обвиняет прямо Свенельда в гибели князя – трудно представить себе, что он сохранял бы свои позиции «мажордома» после расправы над древлянским восстанием. Между тем, его статус действительно был уникален, если обратить внимание на договор Руси с греками 971 г.,

который был заключен при князе Святославе и Свенельде. «Иерархию» следует рассматривать в связи с формуляром договора, где с византийской стороны упомянут, наряду с императором, «Теофил сенкел». Наконец, ситуацию «двоевластия» на Руси около 920 г. описывает Ахмед Ибн Фадлан, но это описание настолько сближает быт русского князя с обычаями хазарского кагана (и его «заместителя»), что историчность этого описания вызывает сомнения.

В третьей главе – «Основы сеньориально-вассальных отношений на Руси: правовые, экономические, социокультурные» – рассматриваются становление и развитие русского сюзеренитета-вассалитета и основ его правового регулирования. А. В. Мининкова приходит к выводу, что имевшие место «на русской земле во второй половине XI в. процессы, связанные с определенным ослаблением киевского центра, с постепенным ростом самостоятельности местных центров, показывали недостаточность регулирования межкняжеских отношений на основе традиций семейного права. Возникла необходимость углубления правовых основ межкняжеских сеньориально-вассальных отношений» (С. 171).

В целом вывод А. В. Мининковой можно принять, отметив при этом, что роль семейного права в регулировании межкняжеских отношений оставалась и в конце XI, и в XII – начале XIII вв. весьма значительной. Автор при этом верно указывает на существенную особенность правового регулирования межкняжеского и княжеско-боярского сюзеренитета-вассалитета на Руси в сравнении с западной традицией. Заключалась она в «значительно более низком уровне развития на Руси письменной юридической культуры по сравнению со странами Западной Европы». Вместе с тем, обращается внимание на возможность «ставить проблему реконструкции основных сторон русского вассального права как системы, несомненно, далеко не в полном, но во фрагментарном виде, в зависимости от состояния источниковой базы» (С. 170). Возможно, что в ходе дальнейшего исследования целесообразно обратить внимание на тенденцию к постепенному возрастанию в межкняжеских отношениях роли политических интересов, а не традиционных братских связей.

Подробно рассматривается А. В. Мининковой и ранний прецедент «выхода» вассала от одного сеньора к другому: так Ростислав Юрьевич покинул отца – Долгорукого – получив волости от Изяслава Мстиславича киевского (С. 183). Автор отмечает и переломный для истории древней Руси отъезд самовластца Андрея Боголюбского от отца из Вышгорода в Суздальскую землю с целью создать независимый «феодальный центр», от которого оказался в вассальной зависимости сам Киев. Естественно, «наложение» европейской терминологии сеньориально-вассальных отношений на конкретные исторические древнерусские ситуации достаточно спорно. Так, А. В. Минин-

кова считает, что конфликт Боголюбского с Ростиславичами, не желавшими исполнять его волю в Киеве и быть «подручниками» владимирского князя, связан со стремлением смоленских князей сохранить позиции вольных вассалов и не оказаться в категории зависимых слуг-подручников или министриалов (С. 177, 201). Древнерусская правовая терминология, точнее, ее нечеткость, затрудняет однозначное толкование подобных ситуаций: уже первый русский правовой документ – договор Олега с греками 911 г. – свидетельствует о «великих и светлых князьях» «под рукою» Олега; следует заметить, что само слово «подручник» является калькой с греческого.

Особой проблемой, рассматриваемой в монографии, является «боярский вассалитет» (С. 84–96). Этот феномен исследуется в контексте специфики положения боярства при суздальских самовластцах, стремившихся низвести статус бояр до положения министриалов (С. 201), и галицких князьях – заложниках геополитической ситуации в Центральной Европе (что развязывало руки различным боярским группировкам). Заметим, что галицкие бояре не только претендовали на княжескую власть – «держали всю землю», – но иногда носили и княжеские имена, к примеру, Владислав Кормильчич или Вячеслав. «Рядовых дружинников» (младшую дружину) автор сопоставляет с рыцарством. Л. В. Мининкова прослеживает тенденцию к превращению архаичной дружины – гридей и отроков – в княжеских слуг, огнищан, мечников, емцев. Однако при этом автором недостаточно используются новгородские свидетельства и данные берестяных грамот.

В итоговой третьей главе Л. В. Мининкова возвращается к сравнительно-историческому анализу, указывая европейские параллели «вассалитета без ленов» и свидетельства земельных пожалований в древней Руси. Что касается особенностей древнерусского княжеского вассалитета, то автор справедливо характеризует их как «разновидности публичноправового регулирования», которые «закладывались в форме обычного права и выросли из права семейного в княжеской среде, носившего частнопроводной характер, причем при сохранении последнего ... без какого-либо влияния римской юридической культуры» (С. 171). Вместе с тем, Л. В. Мининкова не удерживается от оценочных суждений, усматривая «элемент холопства» (С. 188) в статусе кормящихся возле князя дружинников. В параграфе об основах культуры древнерусской сеньориально-вассальной системы особое внимание уделено соотношению «дофеодальных» языческих и феодальных христианских традиций. На наш взгляд, значение первых (в соответствии с тенденциями отечественной историографии) преувеличено автором: следует иметь в виду, что «Слово о полку Игореве» – памятник с уникальной поэтикой и столь же уникальным для древнерусской литературы отношением к язычеству.

Разнообразные социальные связи с Западной Европой существенны для понимания сеньориально-вассальной системы на Руси, и они довольно полно

рассмотрены автором, в отличие от связей с Византией, которые не менее показательны в отношении «открытости» древнерусской социальной системы для иерархически развитых систем средневекового мира. Элементы отношения к императору как к царю – сюзерену в древнерусской традиции – прослеживаются как в обычаях ссылки в Византию политических противников, так и в наделении оказывавшихся в империи русских династов землями и т. п.

В целом книга Л. В. Мининковой исследует одну из важных проблем истории раннего русского средневековья, связанную с характером отношений в княжеско-дружинной среде. Вывод, согласно которому основные черты сюзеренитета-вассалитета, характерного для политических и личностных отношений западноевропейского феодализма, имели место в домонгольской Руси, представляется достаточно обоснованным. Вместе с тем отметим, что данную книгу целесообразно дополнить исследованием, в котором рассматривались бы важнейшие этапы развития на Руси этих отношений от начальных стадий истории Киевской Руси при Олеге, Игоре и Ольге до нашествия монголов с выделением предпосылок, основных этапов и культурно-исторических перспектив в их развитии.

*В. Я. Петрухин, профессор, д-р ист. наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН*

Матвеев О. В., Фролов Б. Е. «В вечное сохранение и напоминание славных имен...» (К 100-летию пожалования Вечных шефов первоочередным полкам Кубанского казачьего войска). – Краснодар: ЭДВИ, 2005. – 215 с.

В Русской армии считалось: «Полку носить Шефство великого человека – означает это оправдывать и чаще всех бывать в боях». Этой традиции посвящена книга О. В. Матвеева и Б. Е. Фролова «В вечное сохранение и напоминание славных имен».

Вышла в свет она в историческом казачьем городе, видевшем в своих стенах Атаманов и генералов Черноморского и Линейного Казачьих Войск – С. Белого, З. Чепигу, А. Головатого, А. Безкровного, Г. Засса и А. Вельяминова, чьи имена после Высочайшего пожалования в 1904 г. стали носить шесть первоочередных полков Кубанского Войска.

Десятилетиями советская историография вытраивала из нашего сознания уважение к Русской армии, гордость победами, память о ее начальниках и воинах. В полной мере это относилось к Казачеству, славные страницы истории которого открывались цензурой строго дозированно и